

Блаженный

В первом издании рассказ назывался "Тэки"

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. М.: Худ. литература, 1971. С. 31 - 38.

Мы сидели в маленьком круглом скверике, куда нас загнал нестерпимый полуденный зной. Там было гораздо прохладнее, чем на улице, где камни мостовой и плиты тротуаров, пронизанные отвесными лучами июльского солнца, жгли подошву ноги, а стены зданий казались раскаленными. Кроме того, и мелкая горячая пыль не проникала туда сквозь сплошную ограду из густых, старых лип и раскидистых каштанов, похожих с длинными, торчащими кверху розовыми цветами на гигантские царственные люстры. Резвая нарядная детвора наполняла сквер. Подростки играли в серсо и веревочку, гонялись друг за другом или попарно с важным видом ходили, обнявшись, скорыми шагами по дорожкам. Меньшие играли в "краски", в "барыня прислала сто рублей" и в "короля". Наконец самые маленькие копошились на большой куче желтого теплого песка, лепя из него гречишники и куличики. Няньки и бонны, собравшись кучками, судачили про своих господ, а гувернантки сидели на скамеечках, прямые, как палки, углубленные в чтение или работу.

Вдруг детвора побросала свои развлечения и стала пристально смотреть по направлению входной калитки. Мы тоже обернулись туда. Рослый бородатый мужик катил перед собою кресло, в котором сидело жалкое, беспомощное существо: мальчик лет восемнадцати -- двадцати, с рыхлым, бледным лицом, с отвисшими губами, красными, толстыми и мокрыми, и со взглядом идиота. Бородатый мужик провез кресло мимо нас и скрылся за поворотом дорожки. Я заметил, как тряслась во все стороны огромная остроконечная голова слабоумного и как она при каждом толчке то падала на плечи, то бессильно опускалась вниз.

-- Ах, бедный, бедный человек! -- произнес тихо мой спутник.

В его словах мне послышалось такое глубокое и такое истинное сочувствие, что я невольно посмотрел на него с изумлением. Я знал Зимина давно: это был добродушный, сильный, мужественный и веселый человек. Он служил в одном из полков, расположенных в нашем городе. Говоря по правде, я не ожидал от него такого неподдельного сострадания к чужому несчастью.

-- Бедный-то он, конечно, бедный, но какой же он человек? -- возразил я, желая вызвать Зимина на разговор.

-- Почему же вы отказываете ему в этом? -- спросил, в свою очередь, Зимин.

-- Ну... как вам сказать? Это же всем ясно... У идиотов ведь нет никаких высших побуждений и свойств, отличающих человека от животного: ни разума, ни речи, ни воли... Собака или кошка обладают этим качеством в гораздо большей степени...

Но Зимин прервал меня.

-- Извините, пожалуйста, я, наоборот, глубоко убежден, что идиотам вовсе не чужды человеческие инстинкты. Они у них только затуманены... Живут где-то глубоко под звериными ощущениями... Видите ли... со мной был один случай, после которого, мне кажется, я имею право так говорить. Воспоминание о нем никогда не покидает меня, и каждый раз, когда я вижу такого вот блаженного, я чувствую себя растроганным чуть ли не до слез... Если вы позволите, я расскажу вам, почему идиоты внушают мне такую жалость.

Я поспешил попросить его об этом, и он начал:

-- В тысяча восемьсот... году я поехал ранней осенью в Петербург держать экзамен в Академию генерального штаба. Я остановился в первой попавшейся гостинице, на углу Невского и Фонтанки. Из окон моих были видны бронзовые кони Аничкова моста, всегда мокрые и блестящие, точно обтянутые новой клеенкой. Я часто рисовал их на мраморных подоконниках моего номера.

Петербург меня неприятно поразил: все время он был окутан унылым, серым покровом затяжного дождя. Но академия, когда я впервые туда явился, прямо меня подавила, ошеломила и уничтожила своей грандиозностью. Я, как теперь, помню ее огромную швейцарскую, широкую лестницу с мраморными перилами, анфилады высоких, строгих аудиторий и наводненные, блестящие, как зеркала, паркетные по